
Литературоведение

УДК 82.0 (470.621)

ББК 83.3 (2=Ады)

А 95

Ахметова Д.А.

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры адыгейской филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: ahmetova.juljeta@yandex.ru

Духовно-интеллектуальный спектр изображения национального бытия в романе Н.Куёка «Вино мёртвых» *(Рецензирована)*

Аннотация:

Рассматриваются духовно-нравственные стороны в изображении национального бытия. Доказывается усиление философизации в романе «Вино мёртвых» как проявление тенденции к трансформации эпического начала, которая сказалась на жанровых и стилевых параметрах произведения. Последствиями новаторских аспектов взаимодействия с фольклором и мифом явились полифоничность, историко-философское содержание, художественное осмысление исторического прошлого в планетарном контексте, обновление идейно-нравственного содержания и новизна разработки характеров.

Ключевые слова:

Философизация бытия, трансформация эпического начала, миф, образы-символы, интеллектуализация прозы.

Akhmetova D.A.

Candidate of Philology, Senior Lecturer of Adyghean Philology Department, Adyghe State University, e-mail: ahmetova.juljeta@yandex.ru *Candidate of Philology, Senior Lecturer of Adyghean Philology Department, Adyghe State University, e-mail: ahmetova.juljeta@yandex.ru*

Spiritual and intellectual range of representation of national life in N. Kuyok's novel «Wine of Dead»

Abstract:

The paper discusses spiritual and moral sides in representation of national life. The author shows that philosophization in the novel "Wine of Dead" is strengthened, which can be considered as manifestation of a tendency of the epic concept transformation which affected the genre and style parameters of work. Consequences of innovative aspects of interaction with folklore and the myth were the polyphonic nature, the historic-philosophical contents, art elucidation of the historical past in a planetary context, updating of the ideological and moral contents and novelty of development of characters.

Keywords:

Philosophization of life, transformation of the epic basis, myth, images symbols, prose intellectualization.

Новаторские черты фольклорно-литературного синтеза стали проявляться в адыгейском романе в начале 1990-х годов. Об этом пишет К.Паранук: «Современный адыгейский роман об историческом прошлом тесно связан с фольклорно-мифологическими истоками» [1: 53]. Они ярко предстали в романе «Черная гора» и находят продолжение в «Вине мёртвых». Это наше наблюдение можно аргументировать вполне обоснованным утверждением литературоведа: «...источки творчества Н.Куёка глубоки и разнообразны: устное народное творчество, мировая классическая литература, творчество предшествующих адыгейских поэтов и писателей» [2: 7]. Исследователь особо отмечает «святое», по определению самого писателя, отношение к фольклору. К. Анкудинов концентрируется на идейной роли жанрово-композиционной структуры нового эпоса Н. Куека. Нельзя не согласиться с мнением литературоведа о принадлежности романа «Вино мёртвых» к направлению «магический реализм», наследующему в своей сущности тенденции «романтизма, векторно ориентированного в прошлое», т.к. для доказательства верности своего утверждения учёный приводит убедительные доводы, определяя характерную черту этого направления как «сопряжение двух реальностей – реальности обыденной и реальности мифологической, волшебной» [3: 133].

Роман содержит в себе богатый материал для исследования множества аспектов, в том числе с точки зрения проявления в нем значительной трансформации эпического начала, сказавшегося на жанровых и стилевых параметрах романа, прежде всего - в качественно новом взаимодействии с фольклором и мифом с точки зрения наличия в нем новых эпических качеств, присущих адыгскому роману

двух последних десятилетий. Речь идет о полифоничности, историко-философском наполнении, художественном осмыслении и отражении исторического прошлого народа в общечеловеческом (планетарном) контексте, орнаментализме, что влечёт за собой обновление идейно-нравственного содержания и новизну разработки характеров. Автор делает это в соответствии с собственной писательской манерой, которая выражается в художественной новизне разработки характеров, в способах использования реалистического и романтического типов художественного изображения, в умении по-своему сочетать различные модификации повествовательных форм, фольклорных и литературных начал, реальности и мифа, в создании собственных художественно-выразительных образов-символов, имеющих глубокое философское наполнение.

Новаторский характер романа проявляется в том, что художественное осмысление в нем истории своего народа, авторская трактовка извечных вопросов о добре и зле, свете и мраке, любви и ненависти, дружбе и предательстве, истинном и ложном героизме, войне и мире перерастает от рамок узконационального мировидения до общечеловеческих масштабов.

Например, рассуждения Ляшина и Фэнэса в эпиграфе к новелле «Ляшин», имеющие в первой своей части форму молитвы, а во второй – дискуссии (перепалки друзей), поднимают повествование о жизни героя до высоты философского размышления. Заявленная в «перепалке друзей» мысль о жизни «вне мрака и вне света» заключает, на наш взгляд, авторскую концепцию всего романа – ни действительная сущность войны и мира, ни определенные понятия добра и зла, ни сознание хорошего и дурного, ни мрак и свет – в очищенном виде – не содержат в

себе истину, – но все эти моменты переплетаются друг с другом, хоть они противопоставлены и в жизни, и в сюжете романа. И в этом единстве и противопоставленности друг другу кроется ответ на вопрос, волнующий автора: почему народ, наделенный такими блистательными качествами, так и не обрел покоя и счастья ни на своей земле, ни на чужбине.

Роман в новеллах «Вино мертвых» насыщен множеством образов-типов, которые можно разделить на мифологические (Кунтабеш-Шебатнуко, Адиюх-Светлорукая, Тлепш), исторически реальные (Редед, Мстислав...). В образной системе «Вина мертвых», по верному замечанию К. Анкудинова, «есть третья группа персонажей: это насельники вневременного пространства мифа, бессмертные комментаторы событий, совершающихся в историческом времени» [3: 133] – Ляшин, Фэнэс и три-бабушки. Немаловажную роль для воплощения авторского стремления философски осмыслить бытие в романе играют образы-символы (танцующая гора, дерево, зверь, стрела, меч, тень и т.д.), то олицетворяющие абстрактные понятия добра и зла, мрака и света, то позволяющие персонифицировать их в обобщенных образах противостоявшего адыгам «врага» – то России, то Турции.

Образы в романе можно разделить и по степени их присутствия в повествовании. Так, можно выделить сквозные (Ляшин, Фэнэс, три-бабушки) и эпизодические образы (Татлеустен, Амида, безымянный русский офицер, Махмуд, Четэгоз, Тепсав, Мешвез и т.д.). Классификация образной системы по различным принципам необходима нам для выявления роли каждого персонажа в осуществлении авторского стремления к философизации быта и бытия человека, для понимания идейно-нравственного содержания произведения и мировидения самого художника.

На наш взгляд, в романе нет глав-

ных и второстепенных героев, как нет разделения их на положительных и отрицательных, даже если писатель создает образы-типы врагов или аллегорические образы-символы зверя, волка, дерева, танцующей горы... Однако основную смысловую нагрузку в «Вине мертвых» несут три-бабушки, Ляшин и Фэнэс, так как мысли этих двух последних героев являются двумя полюсами, между которыми и расположена авторская позиция. Как справедливо отметила К. Паранук, эти два персонажа, вместе с тремя-бабушками, «имеют концептуальное значение для сохранения общей семантики» [1: 70]. Не случайно каждая из семнадцати новелл предваряется эпиграфами – мыслями поэта-философа Ляшина и несправедливого оптимиста Фэнэса, что, в свою очередь, позволяет писателю быть частью собственного повествования и косвенно определять свое отношение к событиям, изображенным им в произведении. Кроме того, эти два персонажа являются тем связующим звеном, которое, в числе прочих факторов (старухи Хаткоесов, общей истории, принадлежности героев к одному народу, роду и т.д.), помогает Куеку добиться целостности художественного произведения и усиливает степень интеллектуализации быта и бытия.

Описывая звуки, издаваемые то искривленным деревом (символом исковерканной человеческой судьбы), то крыльями бабочки (символом прекрасного, но хрупкого и недолговечного) или большими пустыми сосудами (символами свободного от стереотипов мышления), Н. Куек решает глубокие философские вопросы человеческого бытия.

Немаловажными для достижения высокой степени философизации бытия являются пожелания трех-бабушек: если уж Ляшин решил стать поэтом, петь он должен «с колючкой в сердце», т.е. собственной душой пережить и прочувствовать то, о чем он слагает песню. Так, затрагивая традиционную для мировой литературы

«проблему поэта и поэзии», Н. Куек находит собственные способы и образы для ее художественного осмысления.

Существенную роль в реализации авторского стремления к философизации художественного мира в романе играют образы-символы. Для подтверждения этого тезиса достаточно вспомнить и запретное поле, и образ танцующего дерева, и «гниющего дерева», и «волшебного дуба» и многие другие. К примеру, если обратиться к эпизоду, где Фэнэс, сидя под дубом, срывает с него то яблоко, то грушу, то персик, можно заключить, что это не «чудо селекции», а способ передачи авторского понятия счастья для своего народа: у него есть все, стоит только протянуть руку, но адыги почему-то «всегда гонялись за тем, чего нет, не зная, что все,

что существует, всегда и везде есть, просто надо правильно смотреть и правильно видеть»[4: 103]. Он, Фэнэс, это умеет, поэтому ему удается жить в гармонии с собой и окружающим миром. Необходимо отметить, что в этом эпизоде не случайно в виде такого «универсального» дерева приводится именно дуб, ведь в художественном сознании многих народов он символизирует мудрость и жизненную стойкость.

Все вышесказанное позволяет заключить, что Н. Куеку удалось достичь высокой степени интеллектуализации прозы в романе «Вино мертвых», т.к. каждый из так называемых «описательных» отрезков книги является для автора лишь фоном и способом для соразмышления с читателем над «вечными вопросами бытия».

Примечания:

1. Паранук К. Художественное осмысление категории времени в современном адыгейском романе (Ю. Чуюко, Н. Куёк) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2008. № 1. С. 53-56.
2. Паранук К.Н. Иду к Человеку: Размышления о творчестве Н. Куёка. Майкоп, 2004. 98 с.
3. Анкудинов К.Н. От мифа к новелле: идейная роль жанрово-композиционной структуры книги Н. Куёка «Вино мёртвых» //Лит. Адыгея. 2004. № 1. С. 132-137.
4. Куёк Н. Вино мёртвых: роман в новеллах. Майкоп, 2002. 296 с.

References:

1. Paranuk K. The artistic intepretation of the time category in the Adyghe modern novel (Y.Chuyako, N. Kuyok) // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». 2008. No. 1. P. 53-56.
2. Paranuk K.N. I go to the Person: Reflections on N. Kuyok's creativity. Maikop, 2004. 98 pp.
3. Ankudinov K.N. From myth to a short story: the ideological role of genre and composition structure of N. Kuyok's book «The Wine of the Dead» / Lit. Adygheya. 2004. No. 1. P. 132-137.
4. Kuyok N. The Wine of the Dead: a novel in short stories. Maikop, 2002. 296 pp.